

На плахе жизни

Слово о Чингизе Айтматове

Выдающийся советский писатель Чингиз Айтматов стал широко известен после того, как в 1958 году в журнале «Новый мир» были опубликованы его рассказы.

В них и редакторы, и читатели увидели будущего мастера прозы — и они не ошиблись, ибо за этими рассказами появились повести Айтматова «Джамиля», «Первый учитель», «Тополёк мой в красной косынке». Это были романтические произведения о неизвестной широкому читателю жизни в далёкой Киргизии, её чабанах, скотоводах, о бесконечных солнечных просторах степей, уходящих к высоким, неприступным Тянь-Шаньским горам...

Чингиз Айтматов заявил о себе как писатель, не уходящий от сложных проблем современной ему жизни, о чём свидетельствует повесть «Прощай, Гульсары!» — произведение глубоко гуманное, главный герой которого Танабай перед смертью любимого иноходца Гульсары исповедуется ему, словно человеку. Это особенно подкупило меня при прочтении повести. И ещё одно обстоятельство было поводом перечитать книгу ещё раз: в нашем кол-

«ты». А когда я узнал, что Айтматов возглавляет Союз кинематографии Киргизии, был очень удивлён.

— А чему тут удивляться, — сказал Чингиз Торекулович, — литература и кино, как сказал бы Маяковский, близнецы-братья. Ну, посуди сам. Только что вышла в прошлом году лента Сергея Герасимова по великому роману Шолохова «Тихий Дон». Фильм получился прекрасный — отличная литературная основа дала прекрасный сценарий. Остальное, как говорят, дело техники.

Что же касается обычных сценариев, они есть и зачастую пишутся ремесленниками с партийными связями, вот и появляются серые фильмы. Поэтому я и руковожу нашим республиканским кино, чтобы эта серость не протискивалась в кинематограф.

Поняв, что тема кино была исчерпана, я заговорил о его повести «Прощай, Гульсары!» и сказал все хорошие слова, которые так и вертелись на языке.

— Ну, не мне себя хвалить, — улыбнулся Чингиз Торекулович, однако на добром

И ледники пылают, как стожары.
И, как чабан, уставший день пасёт
В седых ущельях облаков отары.
И, не устав от бега и жары,
Неся на гриве молодое солнце,
Здесь высекал подковой Гульсары,
Как молнии, автограф иноходца.
Он в книгу шёл из твоего села,
Чтоб, как живой,

мой стих легендой трогать.
Какая скорбь в глазах его текла,
Когда он падал посреди дороги.
Глазами — в пыль. А памятью — в рассвет,
Внезапно поседевший от утраты...
И плакал безутешно человек,
И плакал я от горя, твой читатель, —
Как будто сам я трогал круп коня,
И слышал кровь, что разрывала жилы,
И степью шёл по жёсткой кромке дня.
И книгой жил. И это жизнью было.

После этой поездки я прочитал всё созданное Айтматовым, которое вышло на тот момент из печати, и ждал новых его произведений — и они появлялись одно за другим. Это были «Белый пароход»,

рок совершает своё гнусное дело — убивает мать-олениху на мясо. И эти негодяи пьют водку, горланят nepотребные песни... Но самое страшное для мальчика то, что Рогатую мать-олениху убил из ружья его дедушка. Мальчик не знал, что у него не было выхода — он совершил убийство, чтобы его любимый внук выжил. Но для мальчика, видящего пьяных негодяев и напившегося от безысходности дедушку, жизнь человеческая стала невыносимой, — и он хочет стать рыбой, чтобы плыть по Иссык-Кулю к белому пароходу, но его сказочное желание погребло вместе со сказкой и бедной Рогатой матерью-оленихой...

И ничего не осталось писателю, как повторить слова бедного мальчика: «Здравствуй, белый пароход, это я!».

И придёт к писателю через «Буранный полустанок» сюжет трагического романа, пронизанный такой жестокой китайской правдой, от которой холодеет сердце: там будут и суровые сталинские репрессии, и годы великой войны, и послевоенное время надежд на светлое будущее, и фантастические сцены-пророчества, и кончина одинокого старика Казангапа, с чего, собственно, и начинается повествование романа, для названия которого писатель взял строку Бориса Пастернака «И дольше века длится день».

В этом романе Чингиз Айтматов великолепно использовал приём уплотнения времени — великий мыслитель и философ, он верил, что освоение Космоса неостановимо, что встреча с братьями по разуму непременно состоится.

Все события романа, участники или свидетелем которых в разные годы был Едигей, писатель «упаковал» в один день — именно глазами Едигея Буранного Чингиз Айтматов смотрел на всё, что было и что происходит теперь, в день смерти старого Казангапа. Такова уж человеческая память, которая не знает границ...

Этот приём убедителен и психологически: ведь в день утраты человека оставшиеся в живых невольно вспоминают минувшее. Чтобы хоть как-то одолеть горечь утраты, — поскольку все мы находимся на плахе жизни, с которой уходим в небытие... Так от романа «И дольше века длится день» писатель органично переходит к роману-притче «Плаха», в котором жизнь народа показана уже совершенно иной, нежели то было в романтических повестях «Джамиля». «Первый учитель», «Тополёк мой в красной косынке».

Прочитав «Плаху», я вспомнил своей разговор с писателем, когда он говорил о бездарных сценаристах, которые благодаря связям с партноменклатурой пробивались на киностудии, и по их сценариям создавались серые фильмы. Чингиз Айтматов увидел тогда то, что вскоре станет нормой жизни — родится всевластная бюрократия, которая станет социальным смерчем над народом.

Теперь на плахе оказалась сама жизнь — и не только крестьян, чабанов Киргизии, но и вся та среда, которая была основой этой жизни: равнина, где паслись стада сайгаков-антилоп, а с ними в соседстве их антиподы — волчиха Акбара и Ташчайнар с их детёнышами. Глазами Акбары — самой природы, — с изображением которой начинается «Плаха», смотрела на простор Моюкумская саванна, кою пришлый человек погубил безжалостным мечом наживы.

Иван САВЕЛЬЕВ

Продолжение в следующем номере

хозе «Колос», что на Смоленщине, был тоже иноходец Помпей, которого мой отец-председатель выменял у цыган за двух колхозных кляч...

Мне повезло: после окончания факультета журналистики МГУ я был распределён в журнал «Рабоче-крестьянский корреспондент» (структурное подразделение тогдашней всесильной «Правды») и занимался литературой — встречался с известными писателями, искал в глубинке молодых поэтов, чьи стихи мы печатали на страницах журнала.

И вот предложили встретиться с Чингизом Айтматовым, чему я был несказанно рад, отбил телеграмму и уже на следующий день, 23 сентября 1969 года, был во Фрунзе.

Обосновавшись в гостинице, я созвонился с Чингизом Торекуловичем, и мы договорились встретиться у него дома во второй половине дня. От гостиницы это было в полчаса ходьбы, когда я вошёл, на столе уже стояли чайные приборы.

Мы, как это всегда бывает, заговорили о том, о чём, вскоре незаметно перешли на

слово спасибо. А пишу я на русском, а уж потом перевожу на киргизский. Русский язык, особенно в кишлаках, знают ещё плохо.

Уходил я под вечер. А где-то на середине пути мне перекрыли дорогу три высоких парня. Я всё понял, но быстро сообразил: «А я иду от Чингиза Айтматова, это мой друг».

Мгновенное оцепенение всех троих, и тут средний — видимо, вожак — кивнул обоим. Те расступились, и я прошёл между ними уверенным шагом, не оборачиваясь.

В гостинице я тут же, на одном дыхании, написал стихотворение, оно нигде не было опубликовано, и теперь привожу его полностью:

Встреча с Гульсары

Чингизу Айтматову

Как солнечно в Киргизии твоей!
Мне зной полынный обжигает губы.
И рыжие глаза твоих степей
Твердят, что солнце не пойдёт на убыль.
Оно по скалам, как песок, течёт —

«Буранный полустанок», «И дольше века длится день», «Плаха» и последнее — вершинное произведение писателя, роман «Когда падают горы».

«Белый пароход» — это то звено в цепи произведений Айтматова, без коего не могло бы состояться этой непрерывной единой духовной линии, что уходит в даль времени и пространства.

По моему мнению, в русской литературе нет произведения, равного этому чуду. Мальчик без имени, не знающий своих родителей, живёт мечтами о белом пароходе, на котором, по его убеждению, служит матросом его отец. И свет этих надежд одухотворяет не только душу мальчика, но и всю природу, которую олицетворяет Рогатая мать-олениха, такая же светлая, как и он, о ней мечтающий.

Сказку эту рассказал мальчику его дед, Момун Расторпный, поведавший, что племя их появилось от праматери Рогатой матери-оленихи.

В «Белом пароходе» сказка и реальность настолько переплелись, что их очень трудно различить. Но людской по-